

Список использованной литературы:

- ~~1. Грин А. С. Собрание сочинений: В 5-ти т. / А. С. Грин. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 3.: Безногий. – С. 320 – 322.~~
- ~~2. Аверинцев С. С. София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. - К.: Дух і Літера, 2001. - С. 155 – 161.~~
- ~~3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – С. 134 – 135.~~
- ~~4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: словарь / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992. – С. 167 – 169.~~
- ~~5. Левин Ю. И. Зеркало как потенциальный семиотический объект / Ю. И. Левин // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 513 – 517.~~
- ~~6. Мусий В. Б. "Об архетипах и вариантах темы двойничества в художественном произведении" / В. Б. Мусий // Науковий вісник Ізмаїльського державного педагогічного інституту. – Вып. 11. – 2001. – С. 127 – 130.~~
- ~~7. Первова Ю. А.: Александр Грин и его творчество в первые послевоенные годы / Первова Ю. А., Верхман А. А. // Александр Грин: Человек и художник. Материалы XIV международной научной конференции. – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 65 – 82.~~
- ~~8. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М.: Астрель, АСТ, 2004. – 556 с.~~

Наталья Ближнина

АВТОР И ГЕРОЙ В ИНТИМНОЙ ЛИРИКЕ В. В. МАЯКОВСКОГО

Владимир Владимирович Маяковский - один из крупнейших поэтов Серебряного века. Однако мало назвать его великим поэтом. Перед нами знаковая фигура своей эпохи. Заявил он о себе не только как поэт. Маяковский известен и как драматург, кинорежиссёр, редактор, киносценарист.

Обращение к раннему периоду творчества Маяковского в контексте биографического подхода позволит смоделировать аксиологическую парадигму авторского сознания на этапе самых ранних форм ее художественного воплощения. В чем и усматриваем научную актуальность нашей работы.

Объектом исследования стали поэтические тексты Маяковского, в которых образ лирического героя является главной формой выражения авторского сознания.

Цель – моделирование семантической парадигмы концептов «человек» и «любовь» – доминантных экзистенциалов в ценностной системе лирического героя ранней лирики В. Маяковского.

Большое творческое наследие поэта на протяжении многих лет вызывает интерес и многочисленные споры. Констатируем многообразие взглядов и критических отзывов, неограниченное количество как положительных, так и отрицательных оценок исследователей. Б. Гончаров в монографии «Поэтика Маяковского. Лирический герой послеоктябрьской поэзии и пути его художественного утверждения», придерживаясь традиционной периодизации творчества поэта (дореволюционный период, 1917-1924 гг.,

1925-1930 гг.), прослеживает эволюцию идейно-эстетических взглядов, динамику образа лирического героя, трансформации в авторском стиле и поэтике. Эволюция лирического героя понимается Б. Гончаровым как путь от одинокого бунтаря раннего периода творчества к осознанию себя «членом братства рабочих, полноправным членом коллектива единомышленников, борцов за коммунизм» в послереволюционном творчестве. Таким образом, уже в работах советских литературоведов фиксируется внимание на усилении общественного статуса поэта, что позволяет говорить о новом векторе творческих ориентиров авторского сознания. Данная монография позволила нам конкретизировать представление об уровнях и показателях трансформации авторского сознания и поэтики произведений Маяковского, дала основания утверждать о разнице взглядов поэта дореволюционного и послереволюционного периодов творчества.

Всестороннее рассмотрение творческого пути поэта – задача фундаментального исследования А. Метченко «Слово о Маяковском», в котором развитие поэтической системы В. Маяковского рассматривается в тесной связи с эпохой, с современным поэту литературным движением модернизма и в то же время с литературной традицией, которая оказала воздействие на формирование философско-эстетических позиций художника [8]. Характеризуя лирического героя раннего В. Маяковского, А. Метченко, как и другие исследователи, отмечает его сходство с личностью автора, но не тождественность ей, обращает внимание на лирическое «я» ранних поэм В. Маяковского. Именно этот исследователь стал одним из наиболее ярких примеров советского маяковедения.

Начало разрушения хрестоматийного для советской критики облика «агитатора, горлана, главаря» положила в конце 1980-х гг. книга Ю. Карабчиевского «Воскресение Маяковского» [6]. Работа Ю. Карабчиевского, не лишённая некоторой пристрастности и порой неэтичности, все же помогла решить актуальнейшую задачу нового этапа изучения творчества В. Маяковского, способствуя демифологизации образа поэта.

В литературоведении вопрос об авторе и герое возник не в конце XX столетия, а гораздо раньше. Однако и по сей день этот вопрос остается открытым, наиболее проблемным в современном литературоведении. Для начала следует разобраться в самом термине «автор». Бахтин М. М. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» отмечает: «Автор – носитель напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгредиентного каждому отдельному моменту его. <...> Сознание автора есть сознание сознания, т. е. объемлющее сознание героя и его мир сознание, объемлющее и завершающее это сознание героя моментами, принципиально трансгредиентными ему самому, которые, будучи имманентными, сделали бы фальшивыми это сознание. Автор не только видит и знает то, что видит и знает каждый герой в отдельности и все герои вместе, но и больше их, причем он видит и знает нечто такое, что им принципиально недоступно, и в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся все моменты завершения целого – как героев, так и совместного события их жизни, т. е. целого произведения». <...> «Жизнь героя переживается автором в совершенно иных ценностных категориях, чем он переживает свою собственную жизнь и жизнь других людей вместе с ним – действительных участников в едином открытом этическом событии бытия, – осмысливается в совершенно ином ценностном контексте». <...> «Автор не может и не должен определиться для нас как лицо, ибо мы в нем, мы живаемся в его активное видение; и лишь по окончании художественного созерцания, то есть когда автор перестает активно руководить нашим видением, мы

объективируем нашу пережитую под его руководством активность (наша активность есть его активность) в некое лицо, в индивидуальный лик автора, который мы часто охотно помещаем в созданный им мир героев» [2, 190].

Рассматривая раннюю лирику В. Маяковского, обратимся к субъектной классификации Б. О. Кормана, в которой образ лирического героя определен как форма выражения авторского сознания. Б. О. Корман дает такую характеристику лирическому герою: «Он одновременно является и носителем сознания и предметом изображения, он открыто стоит между читателем и изображаемым миром; внимание читателя сосредоточено преимущественно на том, каков лирический герой, что с ним происходит, каково его отношение к миру, состояние и пр.» [6, 49].

Единой и окончательной классификацией, которая бы полностью охватывала все разнообразие лирических форм и устраивала всех без исключения исследователей, еще не существует. И в лирике «автор и герой – не абсолютные величины, а два «предела», к которым тяготеют и между которыми располагаются другие субъектные формы: повествователь (находящийся ближе к авторскому плану, но целиком с ним не совпадающий) и рассказчик (наделенный авторскими чертами, но тяготеющий к плану «геройному»)» [10, 144].

Впервые само понятие «лирический герой» было сформулировано Ю. Н. Тыняновым в статье 1921 г. «Блок», написанной вскоре после смерти поэта [10]. Художественным воплощением авторского «я» в творчестве В. Маяковского становится лирический герой, который является носителем многих ценностных установок самого поэта.

Искусство в целом осознается В. Маяковским как инструмент воздействия на окружающую действительность. Поэту свойственно рассматривать личные проблемы под социальным углом зрения, поэтому и для его лирических произведений характерен высокий социальный накал, вписывание личных проблем в контекст животрепещущих проблем эпохи.

Высшим проявлением человеческого духа выступает у В. Маяковского любовь, является призмой, сквозь которую оценивается человек и мир. В целом сложная система взаимоотношений автора и лирического героя в поэтической практике Маяковского реализуется преимущественно в плоскости взаимного дополнения и взаимодействия. Несмотря на то, что образ лирического героя не совпадает полностью с конкретно-биографической личностью поэта, в нем в обобщенно-типизированном виде воплощены те проблемы, мысли и чувства, которые волновали автора, внимание к которым он старался привлечь.

Но вот одно из самых интимных, самых пронзительных лирических стихотворений Маяковского – «Лиличка! Вместо письма» (1916) – о трагедии безответного чувства, о муках ревности – на самом деле воспринимается читателем как «воспевание» любви, пусть и мучительной и отвергнутой, как утверждение торжества великой любви и вечной преданности. Автор преодолевает «сопротивление жизненного материала», стихотворение завершается катарсисом.

«Зазор» между автором и образом лирического героя здесь, безусловно, есть. Голос авангардного автора, создающего новые формы в поэзии (новый поэтический язык), в этом раннем стихотворении явственно слышен, особенно в той его части, где, говоря о силе своего чувства, он использует отрицательные параллелизмы, весьма экзотические (скрепленные богатыми «небывалыми» рифмами: «уморять – нету моря», «песке – и с кем»).

*«Если быка трудом уморят –
он уйдёт,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем
не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон –
царственный ляжет в опожаренном песке.
Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем» [1, 110].*

В этих строках живая, интимная разговорная интонация, не поэтическая, а повседневная, порой сниженная речь (“День ещё – выгонишь, может быть, изругав”) и точные бытовые подробности жизни реальной (“Вспомни – // за этим окном // впервые // руки твои, исступленный, гладил”, “В мутной передней долго не влезет // сломанная дрожью рука в рукав”). Эти прозаические детали, эти просто сказанные слова поражают читателя откровенностью, психологической правдой и силой чувства. В них лирический герой стихотворения наиболее близок к автору, почти полностью сливается с ним.

Анализ образа лирического героя направлен и на определение ценностных приоритетов авторского сознания. Реконструкция семантической парадигмы концептов «человек» и «любовь», вербально означенных в картине мира лирического героя Маяковского, позволяет уточнить целый ряд показателей его экзистенциального и антропологического поиска. Сам образ лирического героя художественно моделируется в соответствии с авторской концепцией человека.

Главной ценностью в поэтическом мире В. Маяковского является человек. Но динамика художественного сознания поэта сопровождается и изменениями в структуре авторских решений концепта «человек». На раннем этапе человек являет собой безусловную ценность, занимая высшую ступень в аксиологическом поиске поэта. Человек противостоит Богу, только человек может все решить, он всемогущ, ему ничего не страшно. Так, например, в стихотворении «Ко всему» показателен авангардный градус жизненной активности и внутренней силы лирического Я: «Убьете, похороните – выроюсь!» (1916). В более поздних стихотворениях «я» заменяется на «мы», как, например, в «Комсомольская» (1924): «Мы новая кровь городских жил».

В послереволюционном творчестве ценность отдельной человеческой личности девальвируется, и индивид уступает место общности, классу как высшей форме социальной организации. При этом лирический герой как воплощение авторского идеала человека теряет свойственные ему в ранний период творчества концептуальные признаки – креативную энергию, телесную и духовную мощь, красоту – и стремится к слиянию с революционной массой.

В авторском воплощении концепта «любовь» также просматривается определенная семантическая парадигма. Если обратиться к такому стихотворению Маяковского, как «Лиличка!» (1916), можно заметить, что любовь – это главный экзистенциальный вектор

жизни поэта. Кроме того, это состояние, предполагающее бескорыстную и мучительную внутреннюю работу, большую самоотдачу. Любовь «висит тяжелой гирей», но это не препятствует глубокому чувству, ведь «над сердцем не властвуют».

В поэме «Люблю» (1922) Маяковский сам дает определение и заявляет:

«Не смоят любовь
ни ссоры,
ни вёрсты.
Продумана,
выверена,
проверена» [1, 133].

Список использованной литературы

1. Маяковский В. В. Собр. соч. : в 3 т. / В. В. Маяковский. – М. : Художественная литература, 1970. – Т. 1. – 558 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 445с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 502 с.
4. Бройтман С. Н. Лирический субъект / С. Н. Бройтман. // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – М. : Высшая школа; /Академия/, 1999. – С. 141-152.
5. Катаев В. Б. К постановке проблемы образа автора / В. Б. Катаев. // Научн. докл. высш. шк. - Филологические науки. - 1966. – №. 1. – С. 29--40.
6. Корабчиевский Ю. Воскресение Маяковского / Ю. Карабчиевский. М. : Советский писатель, 1964. – 443 с.
7. Корман Б. О. Лирика Некрасова / Б. О. Корман. – Ижевск : Удмуртия, 1978. – 300с.
8. Метченко А. Слово о Маяковском / А. Метченко / [под ред. И. Масуренкова]. – М. : Художественная литература, 1964. – 500 с.
9. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1892. – 228с.
10. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов // [подг. изд. и комментарии Е. А. Годдеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой]. – М. : Наука, 1977. – 574 с.
11. Чернец Л. В. Введение в литературоведение / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. – М. : Высшая школа, 1999. – 556 с.